

Т. А. Опарина

*Академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова
ул. Мясницкая, 21, Москва, 101000, Россия*

t-a-opart@yandex.ru

ПЛАН ЗАХВАТА СТАМБУЛА ГРЕЧЕСКОГО КУПЦА НИКОЛАЯ ХРИСТОФОРОВА (1644 ГОД) *

Представлены документы о планах греческого купца Николая Христофорова по освобождению Константинополя. Находясь под впечатлением успехов донских и запорожских казаков, сумевших захватить и долго удерживать турецкую крепость Азов, он сформулировал план возрождения Византии. Поддержку он искал у московского царя. Купец просил благословения и небольшой военной помощи. Силой, способной сломить мощь Порты, он считал казачество. Греческий купец связывал поход на Константинополь с отрядами донских и запорожских казаков. Русские власти оказались крайне напуганы авантюрным планом. В Москве понимали реальность казацкого похода к Стамбулу, который мог бы серьезно осложнить с таким трудом налаженные после длительного разрыва отношения с Портой. Опасаясь ухудшения и без того сложных отношений с Османской империей, они предпочли отправить купца в Мангазею, откуда бежать было невозможно.

Ключевые слова: русско-греческие отношения, возрождение Византии, «Москва – Третий Рим», «Азовское сидение».

Падение Константинополя в 1453 г. в корне изменило жизнь основного населения Византийской империи – греков, оказавшихся с этого момента в своей стране в подчиненном положении. Идея освобождения стала стержнем существования христиан под властью иноверных. С XVI в. восстановление своей государственности православные подданные Османской империи все более связывали с единственной независимой единоверной державой – Россией [Каптерев, 1914]. Члены греческих общин Порты возлагали свои надежды на достижение свободы на московский престол. Оказавшись в России,

они стремились донести идею о воссоздании православной империи до светских и духовных властей. Топикой обращений греков к московскому государю и митрополиту, а затем и патриарху являлись призывы к борьбе за веру и византийскую столицу. В Москве носителями подобных идей чаще всего становились представители греческого духовенства. Начиная с Максима Грека, греческие мыслители убеждали русских правителей в необходимости и возможности достижения «Второго Рима» [Синицына, 1998. С. 216, 309]. С 40-х гг. XVII в. эти представления подверглись некоторой трансформации:

* Работа подготовлена при поддержке РГНФ, международный проект КЕРИЕ, № 12–21–14001.

Автор приносит глубокую благодарность Д. Я. Резуну (светлая ему память) и И. Р. Соколовскому за помощь при работе над статьей.

греческие авторы впервые приняли идею «Третьего Рима» [Флоря, 1996. С. 217], дотоле, в том числе и Максимом Греком, отвергаемую [Синицына, 1998. С. 310]. Переломным моментом в признании греческими богословами русской концепции стало знаменитое «Азовское сидение» (1637–1642 гг.).

Реакция русских властей на подобные призывы была всегда положительной. Тексты и речи греков встречали полное одобрение царственных адресатов и поощрялись дарами. Но в XVI – первой половине XVII в. происходило очевидное расхождение в прочтении одних и тех же фраз: греки говорили о войне с Османской империей, в России же их призывы принимали форму убеждений о превосходстве русского благочестия. Греческие тексты подтверждали русские представления о Москве как третьем Риме, наследнице власти и веры великой «Ромейской» империи. Они включались в русские имперские концепции о воссоздании православной империи, даже и без Византии. Проекты освобождения Константинополя оставались частью истории идей.

Реальные планы русских властей соотносились, разумеется, с расстановкой сил на международной арене. России предстояло выбрать между русско-польской (в союзе или нейтралитете с Османской империей) или русско-османской (в союзе¹ прежде всего с Речью Посполитой)² войнами. В системе внешнеполитических приоритетов России традиционно предпочтение отдавалось западному направлению, так как проблема территориальных претензий к Польше являлась доминирующей до 70-х гг. XVII в. До этого времени московские политики не предполагали вступать в схватку с могущественной Портой.

¹ Войну с Османской империей Россия опасалась вести, не имея союзников.

² При обсуждении проекта подобного союза с Польшей почти всегда возникала тема антитурецкой коалиции католических держав (возглавляемой империей Габсбургов). Присоединение к этой коалиции России ставило вопрос об унии. В таком случае получалось, что борьба за чистоту веры и православную империю происходила бы как раз ценой искажения православия в России, утери благочестия. В XVII в. Россия наиболее близко подошла к военному противостоянию с Османской империей в период правления Лжедмитрия I [Лисейцев, 2002].

Насколько далеки были планы русских властей первой половины XVII в. от военного столкновения с Османской империей, показало «Азовское сидение». Захват турецкой крепости (Азов, Азак, Тана) отрядами донских и запорожских казаков поставил перед Москвой сложную проблему. Правительство колебалось между желанием расширить территорию на столь стратегически важном направлении и необходимостью, в таком случае, вооруженного столкновения. Поддерживая казаков материально, русские власти в дипломатической переписке с самого начала отмежевывались от их действий, пытались урегулировать отношения с султаном. Стараниями русской дипломатии конфликт не перерос в русско-турецкую войну [Османская империя..., 1998. С. 159–163]. Призыв казаков принять Азов в состав России был в конечном счете отклонен. Правительство, получив сведения о генеральном походе османских войск 1642 г., рекомендовало казакам покинуть город и передать его султану. Важно отметить, что борьба за Азов представляла собой единую боевую операцию запорожского и донского казачества, почти всегда действовавших против осман совместно [Брехуненко, 1998].

Уже в самом начале военной кампании события под Азовом привлекли пристальное внимание православных подданных Порты. Ярким примером их отклика служит судьба «грека», названного в русских документах Николаем Христофоровым. Под впечатлением «Азовского сидения» он разработал план освобождения Константинополя. Следственное дело прожектера, мечтавшего добиться свободы своей родины восстанием в столице Османской империи, сохранилось в документации Посольского приказа.

Из делопроизводственных документов дипломатического ведомства следует, что осенью 1644 г. в Путивль, пограничный пункт на границе России и Речи Посполитой, прибыли два «грека»³, которых подьячие записали как Николай Христофоров и Николай Михайлов (подлинные имена неизвестны). Можно предположить, что они встретились на территории казацкого управления Речи Посполитой – Запорожской Сечи. Как вы-

³ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1644 г. № 21.

яснится чуть позже, Николай Христофоров бывал у запорожских казаков. Николай Михайлов знал «русский» язык (надо полагать, он освоил его на Украине). Николай Христофоров, видимо, решил воспользоваться услугами знакомого со славянским языком человека и в его сопровождении достиг России. Присутствие переводчика могло облегчить изложение тех грандиозных проектов, которые Николай Христофоров намеревался предложить московскому правительству.

Пересекающие русскую границу иностранцы должны были объяснить чиновникам цель приезда. Николай Михайлов говорил о желании принять русское подданство – вступить «в вечную службу». Он стремился остаться в России в качестве толмача и рассчитывал получить эту должность в Путивле. Планы Николая Христофорова были значительно шире. В съезжей избе Путивля с помощью Николая Михайлова он поведал подьячим свои замыслы. Потрясенные чиновники доложили воеводе князю Василию Львову. Последний направил на дополнительный допрос осадного голову Никифора Яцина. Услышав рассказ еще раз, воевода 28 октября 1644 г. отправил все документы в Москву (два допроса в Путивле составили начало сохранившегося архивного дела).

«Греченин» Николай Христофоров и его толмач Николай Михайлов были вызваны под охраной стрельца Филона Хоткова в Москву для дальнейших допросов. В Посольском приказе, куда они были доставлены, окончательно раскрылся план Николая Христофорова. Он предлагал включить Османскую империю с ее столицей в состав Русского государства: «А как де Бог подаст и Царьгород возьмут, тогда и все турецкие города будут за великим государем Михаилом Федоровичем всеа Руси». Целью его приезда было руководство походом на Константинополь. Для этого требовалась лишь небольшая материальная и идейная поддержка Москвы.

Постепенно восстанавливались подробности. Выяснилось, что Николай Христофоров происходил из города Элассон (Аласон в русских документах, регион же был назван Македонией) и занимался мелкой торговлей («скупал животину и в том промыслу его была небольшая доля, а большие деньги в

промысли были товарищов его») ⁴. Он был небогатым компаньоном купцов, перепродававших скот.

Во время поездки в Стамбул этот далекий от военной службы человек случайно услышал о захвате казаками Азова. Очевидно, что слухи о казацких победах широко функционировали в греческом обществе и дали толчок воображению Николая Христофорова. Купец стал готовиться к решительным действиям. Первоначально он детально изучил фортификацию Стамбула, обследовал подходы к нему, сделал наблюдения о характере берегового расположения: «А он де дорогу знает близко Царягорода... А пошел он от себе для того, что, будучи во Царегороде, осматривал всякие крепости и по его де осмотру мочно ему привести ко Царюгороду служилых людей» ⁵.

Осмотрев крепостные сооружения, разведав данные об окрестностях города и артиллерии и самостоятельно составив план захвата Стамбула, Николай Христофоров приступил к поиску исполнителей своего замысла. Единственной силой, способной сломить мощь Порты, он считал казачество. Греческий купец связывал поход на Константинополь с отрядами донских и запорожских казаков. Действительно, Московское государство избегало вступать в открытый военный конфликт с Портой, помня столкновения XVI в. после присоединения Иваном Грозным Астрахани. Кроме того, необходимо помнить об отсутствии у России флота, что делало невозможным достижение границ Османской империи. Мореплавание было доступно лишь казачеству, превратившемуся в значительную военную силу Черноморского и Азовского бассейнов, наводившему террор на побережья Анатолии и Румелии (см.: [Тушин, 1978; Мызык, 1988; Королев, 2002; Остапчук, Галенко, 1996; Ostapchuk, 2001]). Запорожцы во время набегов подходили к маякам, расположенным при входе в Босфорский пролив – Румелифенери и Анатолуфенери. Николай Христофоров был хорошо знаком с возможностями казаков: «наперед сего казаки хаживали блиско Царяграда своим промыслом» ⁶.

⁴ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1644 г. № 21. Л. 1, 4.

⁵ Там же. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 5.

Греческий купец отправился из Стамбула к казакам в 1644 г., в Пасхальную неделю. Он пересек территорию Валахии и достиг Запорожской Сечи. В Москве он упоминал о посещении Шаргорода, хотя и не уточнял, существовали ли специальные цели этого визита. Далее его путь пролегал через духовные центры Украины, тесно связанные с Войском Запорожским. По его словам, три месяца он провел в Киево-Печерском монастыре, затем доехал до Густынского монастыря, где был принят игуменом Ильей. Располагая лишь текстом его допросов в России, невозможно определить, распространял ли он свои идеи похода на Константинополь и на Украину.

Вероятно, в Речи Посполитой Николай Христофоров познакомился и с греком-толмачом Николаем Михайловым и, взяв его с собой, отправился далее на восток. Наиболее вероятно ⁷, греческий купец перебрался от запорожских казаков к донским с целью координации будущих совместных действий. В первоначальной версии, изложенной в Путивле сразу после пересечения границы и, очевидно, наиболее точной, Николай Христофоров говорил о пребывании на Дону.

В Путивле Николай Христофоров заявлял, что разведывал для казаков военную обстановку, причем непосредственно в лагере врага. По его словам, «с Дону послал его атаман в турецкую землю для проведывания всяких вестей» ⁸. Трудно сказать, о какой именно османской территории шла речь – об Азове или внутренней территории Османской империи (что в данном случае маловероятно). Очевидно, Николай Христофоров соединил сведения, известные ему еще в Стамбуле и полученные в данной вылазке. Греческий купец сообщил о планируемом османском нападении на земли Войска Донского (и даже возглавляемом султаном?): «он узнал, что турецкий царь хочет идти этим летом на Азов, а с Азова идти войной на донских казаков» ⁹.

Николай Христофоров, посетив казаков на Днепре и Дону, собрав необходимые сведения и установив нужные связи, отправился

к Путивлю, откуда был доставлен в Москву. В Посольском приказе он представил удивительный по точности план захвата Константинополя ¹⁰. По его мнению, именно в этот момент сложилась удобная ситуация для завоевания Стамбула. Силы осман отвлечены на борьбу с донским казачеством. Стамбул же в это время остался без прикрытия: «А против де Царяграда есть в Галате у Касым паши многие пушки; и из них иные отсланы под Азов, а осталось де еще у Касым паши 47 пушек». Получалось, что Николай Христофоров стремился использовать казацкое поражение под Азовом (как он полагал, временное), в результате чего на Дон были брошены крупные силы Порты. Он решил использовать походы осман, мстивших за «Азовское сидение». По расчетам Николая Христофорова, донским казакам не следовало дожидаться появления османской флотилии и, тем более, принимать бой. Напротив, он предлагал казакам упредить осман, покинув территорию Войска Донского, и отправиться к Стамбулу: «И они стругами от Дону придут блиско Царягорода». Очевидно, предварительно необходимо было связаться с запорожским казачеством и получить из Сечи подкрепление.

Московские чиновники на следующем допросе уточнили реальность прохождения казацкой флотилии мимо турецких и крымских крепостей – Азова, Керчи и Кафы. У Николая Христофорова был готов ответ: «Тех городов не взяв мочно ко Царюгороду идти с служилыми людьми. Как и наперед сего казаки хаживали блиско Царяграда своим промыслом» ¹¹. С точки зрения Николая Христофорова, необходимо было лишь повторить прежние казацкие походы и достигнуть Босфора.

Греческий купец предусмотрительно выбрал место казацкого десанта. Он планировал пересечь Азовское и Черное моря и подплыть к Босфорскому маяку: «И они стругами от Дону придут блиско Царягорода к устью, где у турчан фонар светит всем кораблем». Очевидно, имеется в виду маяк на европейской стороне Румелифенери. Казацкие «чайки» не должны были входить в

⁷ Что подтверждается не только его первым показанием, но и близостью его сведений к «вестям», поставляемым донскими атаманами в Москву.

⁸ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1644 г. № 21. Л. 5.

⁹ Там же. Л. 5.

¹⁰ Там же. Л. 9.

¹¹ Там же. Л. 5.

Босфорский пролив: вероятно, он учитывал трудность прохождения судов в этой наиболее узкой части пролива. Николай Христофоров предполагал высадиться в этой легендарной местности: «И позади того фонаря есть место, а словет Кины. И к тому месту мочно въехать стругами и выйти из стругов». Таким образом, он указывал на Кяней (Куанеаі, «камень») ¹².

Далее Николай Христофоров рассчитывал провести казацкий отряд сухопутным путем до Стамбула. Он заблаговременно просчитал маршрут, полагая, что расстояние от «Камня» до столицы можно преодолеть за пять часов: «А от того места от Кины до Царягорода доидут в пять часов. И от того места мочно взять Царьгород». Возможно, Николай Христофоров задумал пройти долину незаметно, укрываясь в греческих поселках.

Греческий проводник казацкого десанта понимал, что со стороны суши Стамбул значительно более укреплен, чем со стороны моря. Однако, выбирая этот вариант, он рассчитывал не на приступ и силу войска, а на хитрость и неожиданность нападения. Укрыв основной отряд, Николай Христофоров предполагал впустить в город небольшую часть войска. Он сам собирался войти в город, ведя с собой пятьдесят воинов: «Он, Миколайко, с 50 человеки войдет в Царьгород». Проникнув в город, казаки, по его мнению, смогут справиться со стражей. Далее Николай Христофоров планировал открыть городские ворота для новых сил: «и отопрет цареградские ворота на сухом пути, а турецкие люди того не услышат» ¹³.

Трудно сказать, полагал ли Николай Христофоров, что проникновением в город казаков ограничится взятие столицы Османской империи, или рассчитывал, что схватка, начатая казаками, спровоцирует восстание христиан, которое и принесет долгожданную победу. Других подробностей захвата Стамбула он в Посольском приказе не представил.

Николай Христофоров не встретил понимания русских чиновников. Реакция на нарисованную им блестящую картину победоносного похода разошлась с его ожиданиями. Очевидно, Николай Христофоров был

удивлен: его просьбы не превышали размеров предшествующей государственной поддержки казакам. Он надеялся получить от русских властей помощь, примерно равную той, какая предоставлялась казакам во время обороны Азова: «буде великий государь его царское величество изволит взять Царьгород донским казаком и пожалует своим государевым жалованьем стругами и воинскими людьми в прибавку, сколько мочно... надобе де ратных людей ко Царюгороду с 85 человек и с казаками» ¹⁴. Таким образом, Николай Христофоров приехал в Россию, чтобы испросить у официальных властей орудий, пороха, по возможности, кораблей и не более 85 человек московских служилых людей (число казаков, которые смогли принять участие в его походе, видимо, не знал пока точно и он сам).

Однако, судя по задаваемым в Путивле и Москве вопросам, затея грека не вызвала одобрения. Николай Христофоров оказался на постоянных допросах. Интересы у чиновников не вызвали ни план захвата Стамбула (были лишь внесены уточнения относительно возможности обхода крепостей противника), ни наличие возможных сообщников в городе, ни настроение греков. Его ни разу не спросили о степени участия в проекте греков-информаторов, украинского духовенства и запорожского казачества. Очевидно, поход украинских казаков, действия которых являлись предметом обсуждения правительств Речи Посполитой и Османской империи, не волновал Москву. Тем более что в этот период руководство Речи Посполитой готовилось к войне с Османской империей [Османская империя..., 1998].

Самой важной для русских властей частью плана Николая Христофорова стало участие в предполагаемом походе донских казаков. Известия о готовящемся новом рейде отрядов Войска Донского оказались наиболее опасным моментом рассказа. Еще в Путивле воеводой были даны указания «распросить накрепко о том, сколь долго жил на Дону и имена атамана и есаула» ¹⁵. Этот пункт пребывания у донских казаков явился предметом обсуждения и во время всех по-

¹² За «камнем» находилась долина – Буйук Дерё (Buyuk Dere).

¹³ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1644 г. № 21. Л. 5.

¹⁴ Там же. Л. 4.

¹⁵ Там же.

следующих допросов. Представители власти стремились определить степень подготовленности похода лишь со стороны донского казачества и имена атаманов. Николай Христофоров, несомненно, посетил Дон, но уже в Путивле он понял, какую опасность таит его рассказ. Атаманы неминуемо понесли бы наказание за невыполнение настойчивых требований Москвы прекратить походы на Азов, а тем более на Стамбул¹⁶. В результате уже на втором допросе в Путивле Николай Христофоров отказался от своих слов о посещении Дона. Он скрыл имена казаков и опустил «донской период» своего путешествия. Теперь он заявлял, что не бывал на Дону, с атаманами и есаулами не знаком, «вестей» не проводывал. Причиной таких расхождений в показаниях Николай Христофоров называл непонимание толмача. Он перенес вину на спутника, обвинив Николая Михайлова в неправильном переводе и даже преднамеренном искажении фактов. Очная ставка с толмачом ничего нового не прояснила: каждый из греков остался при своем мнении.

Но, изменив показания и утаив имена казаков, Николай Христофоров остался верен главной идее. Он продолжал настаивать на необходимости немедленного похода к Константинополю и при каждом новом допросе постоянно просил об одном: «отпустить на Дон для смотренья, как им мочно з Дону ко Царюгороду идти и на которые места... отпустить на Дон, чтоб ему з донскими казаки досмотрить, на которые места им идти под Царьгород и к тому б походу суды и каторги им готовить смотря по тамошнему делу... чтобы ис Путивля отпустить на Дон привести казаков к Царю городу для взятъя»¹⁷. Николай Христофоров все еще верил в благополучный исход своих замыслов и надеялся, что при поддержке Москвы состоится казачий поход не ради грабежа, а для освобождения Константинополя. Необходимо было лишь провести конкретные мероприятия на территории Войска Донского по подготовке судов, уточнению маршрута плавания через Черное море и организации войска.

Николай Христофоров был информирован в очень многих вопросах. Он создал конкретный план и сделал все, чтобы его воплотить. У него была смета расходов, необходимого количества боеприпасов, оружия, моряков и кораблей. Греческий купец хорошо знал местность вокруг Стамбула, был осведомлен о передвижениях османских войск. Он сумел связаться с греками из Речи Посполитой, казаками с Запорожья и Дона, вероятно, достигнув некой договоренности о совместных выступлениях.

Единственное, что было совершенно незнакомо Николаю Христофорову, – это реальные планы русских политиков. К 1644 г. правительство Михаила Федоровича уже сделало выбор между направлениями будущих войн и отказалось от любой конфронтации с Османской империей. Николай Христофоров не понимал, что Азов возвращен не по нелепой случайности, а после длительного анализа международной ситуации¹⁸, ресурсов страны и степени подготовленности русской армии. Русское правительство предпочло путь успокоения, налаживания мирных отношений с Портой и не ответило на предложения 1640¹⁹ и 1644 гг. польского короля Владислава IV о совместных наступлениях на Крымское ханство (тем более, речь не могла идти о боях за Стамбул) [Смирнов, 1946; Флоря, 1989; 1993; Османская империя..., 1998]²⁰. Русские власти проводили линию на восстановление русско-османских дипломатических контактов, несмотря на нарастающую агрессию Порты и вассальных ей государств. За упоминавшимися мощнейшими атаками на территорию Войска

¹⁸ Пока казаки упорно боролись за Азов, примерно с 1640 г. в руководстве страны сложился проект русско-датского военного союза, который должен был быть закреплен династическим браком сына датского короля Кристиана IV графа Вальдемара и дочери царя Михаила Федоровича Ирины Михайловны. Союз предусматривал нападение на Речь Посполитую и Швецию, что, конечно, исключало возможность ведения войны и с Османской империей.

¹⁹ РГАДА. Ф. 79. Кн. 63. Л. 121, 123, 370–373.

²⁰ Как раз в период допросов Николая Христофорова в Посольском приказе разбирали пакет предложений, привезенный польском посольством Гавриила Стемпковского, а также осуществлялась поддержка богословских диспутов с пастором графа Вальдемара и обсуждался проект учреждения в России греческой типографии.

¹⁶ К этому периоду относятся настойчивые усилия Москвы подчинить своему управлению Войско Донское, и любое неповиновение вызывало резко отрицательную реакцию Москвы.

¹⁷ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1644 г. № 21. Л. 2–4, 6–8.

ска Донского последовали татарские набеги 1644–1645 гг. к южным границам России. Незадолго до появления Николая Христофорова в столицу 1 сентября 1644 г. вернулось посольство И. Д. Милославского, члены которого на себе испытали всю тяжесть османских нападений. Тем не менее процесс урегулирования не был прерван, обговаривалась возможность ответного посольства в Москву из Порты [Флоря, 1993].

В сложившейся ситуации русские чиновники почувствовали за рассказом греческого патриота крупномасштабную международную провокацию, которая способна была повлечь срыв русско-османских переговоров и спровоцировать новые опустошительные набеги крымских татар. Очевидно, в Москве понимали реальность казацкого похода к Стамбулу, который, конечно, не уничтожил бы Османскую империю, но смог бы серьезно осложнить с таким трудом налаженные после длительного разрыва отношения с Портой.

Планы Николая Христофорова вызвали не поддержку, а тревогу московских властей. Николай Христофоров преувеличивал неподготовленность осман к боевым действиям в центре страны, дабы убедить московские власти в простоте и легкости похода.

Распросы Николая Христофорова перешли в следствие, за время ведения которого умер царь Михаил Федорович. Новое правительство отказалось от совместных русско-польских антикрымских действий и было всецело нацелено на подготовку перемирия с Османской империей, которому правительство Алексея Михайловича последовательно придавало большое значение.

В 1645 г. вступивший на престол Алексей Михайлович завершил разбирательство над Николаем Христофоровым. Греческого купца внимательно выслушивали в Посольском приказе несколько месяцев и, в конце концов, прекратили дело. Отпускать из России подданного Османской империи русские власти не были намерены (что в данном случае не вызвало бы недовольства Порты). Руководство Посольского приказа не без основания опасалось возвращения грека на Дон. Царь Алексей Михайлович вынес окончательное решение о судьбе двух греков. Следствие постановило освободить из под стражи толмача

Николая Михайлова, сумевшего убедить власти в неведении о планах своего спутника. Николай Михайлов был выслан обратно в Речь Посполитую, тем самым сумел выбраться из России. Николай Христофоров остался в России навсегда. Греческого купца предписывалось отправить в Сибирь. Местом пребывания ссыльного была выбрана Мангазея. Согласно царскому указу, ссыльного доставили в Мангазею и определили в русскую службу: «Прислан с Москвы в Мангазею греченин Миколайко Христофоров. И велено ево поверстать в службу против таких же ссыльных людей»²¹. «Греченин» оказался не одинок, в городе находилось 16 ссыльных, появившихся там с 1629/30 гг. Среди них были иностранцы: «поляки», «черкасы», «немчин» [Александров, 1964. С. 60].

В 1645 г., когда Николай Христофоров был направлен в Сибирь, некогда «златокипящая» Мангазея переживала экономический спад, вызванный, в частности, кризисом политического правления и предшествующим противостоянием воевод, истощением пушного рынка, изменением климата. Освоение Сибири власти стали предпочитать вести через более южные города, в частности, Томск. Гарнизон Томска последовательно увеличивался, в том числе, и за счет ссыльных. Среди них находились и «греки»²². В Мангазею, по мнению А. В. Полетаева, ссылка практически прекращается²³. Вероятно, Николая Христофорова можно рассматривать едва ли ни единственным иностранцем, направленным в Мангазею из Москвы в середине 40-х гг. XVII в. Видимо, власти стремились максимально удалить «освободителя» Константинополя, сделав его побег в Османскую империю для реализации грандиозных замыслов невозможным. Они предпочли использовать опыт много путешествовавшего купца, посчитав его знатоком морского дела. Николаю Христофорову предстояло оказаться в порту, но невероятно далеко от родины. В росписи Мангазеи 1657/58 гг. [Александров, 1964.

²¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 322. Л. 49.

²² *Опарина Т. А.* Греческая колония в Сибири первой половины XVII в. (в печати)

²³ *Полетаев А. В.* Мангазейская ссылка в XVII в. URL: http://ostrog.ucoz.ru/publikacii_3/4_104.htm (дата обращения 26.01.2016).

С. 60] указан один «гречанин». Очевидно, что речь идет о Николае Христофорове.

Список литературы и источников

Александров В. А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). М.: Наука, 1964. 316 с.

Брехуненко В. А. Стосунки українського козацтва з Доном у XVI – першій половині XVII ст. Київ; Запоріжжя: ТанDEM-У, 1998. 335 с. (на укр. яз.)

Кантерев Н. Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI–XVII столетиях. Сергиев Посад: Тип. Вильде, 1914. 567 с.

Королев В. Н. Босфорская война. Ростов н/Д, 2002. 703 с.

Лисейцев Д. В. Русско-турецкие отношения в начале XVII века: от конфронтации к сближению // Отечественная история. 2002. № 5. С. 169–177.

Мыцык Ю. А. Новые данные о черноморских походах донского и запорожского казачества против Османской империи и Крымского ханства (середина – третья четверть XVII в.) // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в Древности и Средние века. Ростов н/Д, 1988. С. 134–141.

Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М.: «Памятники исторической мысли», 1998. 288 с.

Остапчук В., Галенко О. Козацькі чорноморські походи у морській історії Кятіба Че-

лебі “Дар великих мужів у воюванні морів” // *Marra Mundi*. Збірник наукових праць на пошану Ярослава Дашкевича з нагоди його 70-річчя. Львів; Київ; Нью-Йорк, 1996. С. 371–372. (на укр. яз.)

Синицына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. М.: Индрик, 1998. 416 с.

Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. / Уч. зап. МГУ. Вып. 94. М., 1946. Т. 1. 158 с.

Тушин Ю. П. Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Черном морях (XVII век). М.: Наука, 1978. 181 с.

Флоря Б. Н. Два послания Г. Власьева царю Михаилу Федоровичу // Славяне и их соседи. М., 1996. Вып. 6: Греческий и славянский мир в Средние века и Раннее Новое время: Сб. ст. к 70-летию акад. Г. Г. Литаврина. С. 216–230.

Флоря Б. Н. К истории переговоров о русско-польском антиосманском союзе 40-х гг. XVII в. // Славяне и их соседи. М., 1989. Вып. 1: Международные отношения в эпоху феодализма. С. 124–139.

Флоря Б. Н. Русско-польские отношения в годы борьбы за Азов // Славянский сборник. Саратов, 1993. Вып. 5. С. 116–127.

Ostapchuk V. The Human Landscape of the Ottoman Black Sea in the Face of the Cossack Naval Raids // *Oriente Moderno*. Nuova serie. 2001. Anno 20 (81). No. 1: The Ottomans and the Sea. P. 23–95.

Матеріал посту́пил в редакцію 15.02.2016

T. A. Oparina

*Ilya Glazunov Academy of Painting, Sculpture and Architecture
21 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation*

t-a-opart@yandex.ru

THE GREEK MERCHANT NIKOLAI KHRISTOFOROV'S PLAN OF ISTANBUL SEIZURE (1644)

The article presents archival documents about plans of a Greek merchant Nikolai Khristoforov to delevage Constantinople. At homeland, he was engaged in the sale of cattle. This low social status was determined by the legislation of the Ottoman Empire. In 1637 the Cossacks managed to achieve outstanding success. They seized the Turkish fortress of Azov and held it for five years. Capture of Azov wasn't indifferent to Nikolai Khristoforov. Impressed by the success of the Don and Zaporozhye

Cossacks, he formulated own plan to revive the Byzantine Empire. Nikolai Khristoforov visited Orthodox monasteries associated with the Cossacks: Gustynsky and Cathedral Kiev cave monasteries. He found the interpreter from Greek into Slavic languages and visited Zaporozhye Cossacks, perhaps, with the interpreter's help being able to negotiate with them. After that, Nikolai Khristoforov went to the Don Cossacks and met with their chieftains. At this time, he believed that he had got military power to seize Istanbul. He also sought for the Tsar's support. The merchant asked for the Tsar's blessing and a small military aid. He told about a hundred archers and gunpowder. The rest he promised to deliver himself. From Moscow, he planned to go to the Cossacks to start a campaign against Istanbul. The merchant thought, that his great project would be happily supported by the Russian government. He was sure the Tsar would gladly take the opportunity to capture Constantinople. But the authorities' reaction was just the opposite. While a merchant has reached Russia, there have been major changes. The Russian government decided to return Azov to Turkey. The support of the Cossacks could start the Russian-Turkish war. The Russian government was very afraid of a military confrontation with the Ottoman Empire. After taking Azov, Turkish troops carried out several raids on Russian territory. The devastating raids of the Turkish vassal – Crimean Khanate – also continued. Frightened by these attacks Russian authorities sought for restoring diplomatic –relations with the Ottoman Empire. To establish peace, the Tsar was ready to make any concessions. Russian authorities were extremely scared by this adventurous project. It has threatened with failure of all the negotiations. For fear of worsening the difficult relations with the Ottoman Empire, they chose to send merchant in Mangazeya, to escape from where was impossible. In the far North «the liberator» of Constantinople spent his last days.

Keywords: Russian-Greek relations, the Revival of Byzantium, Moscow – the 3rd Rome, «The Azov sitting».

References

Aleksandrov V. A. *Russkoe naselenie Sibiri XVII – nachala XVIII v. (Eniseiskii krai)* [Russian Population of Siberia in the 17th – Beginning of the 18th Century (Eniseisk Region)]. Moscow, Nauka, 1964, 316 p. (in Russ.)

Brekhenko V. A. *Stosunki ukrainskogo kozatstva z Donom u XVI – pershii polovini XVII st.* [Relations of Ukrainian Cossacks with Don in the 16th – 1st half of the 17th Century]. Kiev, Zaporozhye, «Tandem-U» Publ., 1998, 335 p. (in Ukr.)

Kapterev N. F. *Kharakter otnoshenii Rossii k pravoslavnomu Vostoku v XVI–XVII stoletiyakh* [The Character of Russia's Relations to the Orthodox East in the 16th – 17th Centuries]. Sergiev Posad, Tipografiya Vil'de, 1914, 567 p. (in Russ.)

Korolev V. N. *Bosforskaya voina* [Bosphorus War]. Rostov-on-Don, Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 2002, 703 p. (in Russ.)

Liseitsev D. V. *Rusko-turetskie otnosheniya v nachale XVII veka: ot konfrontatsii k sblizheniyu* [Russian-Turkish relations in the early 17th century: from confrontation to closer ties]. *Otechestvennaya istoriya* [Russian History], 2002, no. 5, p. 169–177. (in Russ.)

Mytsyk Yu. A. *Novye dannye o chernomorskikh pokhodakh donskogo i zaporozhskogo kazachestva protiv Osmanskoi imperii i Krymskogo khanstva (seredina – tret'ya chetvert' XVII v.)* [New data on Black sea campaigns of Don and Zaporozhye Cossacks against the Ottoman Empire and the Crimean khanate (middle – 3rd quarter of the 17th century)]. *Torgovlya i moreplavanie v basseine Chernogo morya v drevnosti i srednie veka* [Trade and Navigation in the Black Sea Basin in Ancient Times and Middle Ages]. Rostov-on-Don, 1988, p. 134–141. (in Russ.)

Osmanskaya imperiya i strany Tsentral'noi, Vostochnoi i Yugo-Vostochnoi Evropy v XVII v. [The Ottoman Empire and the Countries of Central, Eastern and South-Eastern Europe in the 17th Century]. Moscow, «Pamyatniki istoricheskoi mysli» Publ., 1998, 288 p. (in Russ.)

Ostapchuk V. *The Human Landscape of the Ottoman Black Sea in the Face of the Cossack Naval Raids.* *Oriente Moderno. Nuova serie*, 2001, anno 20 (81), no. 1. The Ottomans and the Sea, p. 23–95.

Ostapchuk V., Galenko A. Kozatski chornomorski pokhodi u morskii istorii Kyatiba Chelebi «Dar velikikh muzhiv u voyuvanni moriv» [Black sea Cossack raids in maritime history of Katip Celebi «The gift of the great men in conquering seas»]. *Mappa Mundi. Zbirnik naukovikh prats na poshanu Yaroslava Dashkevicha z nagodi yogo 70-richchya* [Mappa Mundi. Collection of Scientific Papers in Honor of Yaroslav Dashkevich on the Occasion of his 70th Anniversary]. Lvov, Kiev, New York, 1996, p. 371–372. (in Ukr.)

Sinitsyna N. V. *Tretii Rim. Istoki i evolyutsiya russkoi srednevekovoi kontseptsii* [The Third Rome. The Origins and Evolution of Russian Medieval Concept]. Moscow, «Indrik» Publ., 1998, 416 p. (in Russ.)

Smirnov N. A. *Rossiya i Turtsiya v XVI–XVII vv. Uchenye zapiski MGU. Vyp. 94* [Russia and Turkey in the 16th – 17th Centuries. MSU Scientific Notes, iss. 94]. Moscow, 1946, vol. 1, 158 p. (in Russ.)

Tushin Yu. P. *Russkoe moreplavanie na Kaspiiskom, Azovskom i Chernom moryakh (XVII vek)* [Russian Sailing in the Caspian, Azov and Black Seas (the 17th Century)]. Moscow, Nauka, 1978, 181 p. (in Russ.)

Florya B. N. Dva poslaniya G. Vlas'eva tsaryu Mikhailu Fedorovichu [Two epistles of G. Vlasiev to Tsar Mikhail Fedorovich]. *Slavyane i ikh sosedi* [Slavs and Their Neighbours]. Moscow, 1996, iss. 6. Grecheskii i slavyanskii mir v Srednie veka i Rannee Novoe vremya [Greek and Slavic world in the Middle Ages and early modern time], p. 216–230. (in Russ.)

Florya B. N. K istorii peregovorov o russko-pol'skom antiosmanskom soyuze 40-kh gg. XVII v. [On the history of negotiations on the Russian-Polish anti-Ottoman alliance in 1640s]. *Slavyane i ikh sosedi* [Slavs and Their Neighbours]. Moscow, 1989, iss. 1. Mezhdunarodnye otnosheniya v epokhu feodalizma [International relations in the era of feudalism], p. 124–139. (in Russ.)

Florya B. N. Russko-pol'skie otnosheniya v gody bor'by za Azov [Russian-Polish relations in the years of struggle for Azov]. *Slavyanskii sbornik* [The Slavic Miscellany]. Saratov, 1993, iss. 5, p. 116–127. (in Russ.)